

1.

Ромка Дыкин помер на рассвете, когда догорала заря и уходила за горизонт последняя ночная звезда. Лицо его было обращено к окну, и в потускневших глазах навсегда замерло блёклое небо.

Обнаружил покойного его сменщик по кочегарке, долговязый Фёдка Юров. Он зашёл предупредить о том, что полетел насос и по случаю его поломки и весеннего потепления начальник лесопункта Андрей Петрович Кузин разрешил полностью завершить отопительный сезон. Открыв рывком скрипучую грязную дверь, Фёдка, согнувшись в три погибели, вошёл в барак.

— Ромка, встрень человека... Что лежишь? — весело крикнул он и присел к столу, на котором в беспорядке валялись засохшие корки хлеба, луковая шелуха и порожняя водочная бутылка...

Ромка молчал... Фёдка подозрительно посмотрел на неподвижно лежащего напарника, и сердце его тревожно ёкнуло. Он подспудно, нутром, осознал, что Ромка мёртв: дыхания не было слышно, а сам он отяжелел, железисто вдавился телом в койку. Живые люди легче весом и так не спят...

— Ты что, окочурился? — тревожно спросил Фёдка и, подойдя к Роману, положил свою грязную, изъеденную угольной пылью ладонь на его лоб.

Лоб был холодный, как ледяная глыбка, и лип к ладони, словно кто-то облил его ненароком конторским клеем.

— Мать честная...

Федька жалостливо сморщился, печально матюгнулся и поспешно вышел из барака...

Ромка Дыкин жил в ничейной, барачного типа, засыпушке, неизвестно кем построенной на краю лесопункта Майский.

Откуда Дыкин появился в здешних лесных местах, никто не ведал, потому что не было у местного люда дурной привычки интересоваться биографическими данными своих ветреных сограждан. По весне невзрачных, «изжёванных» крутой жизнью и водкой мужичков приезжало много. Они шумно вываливались из теплохода, базлали, словно мокрые вороны, и, если у кого ещё оставались в заначке деньги, хищно врывались в магазин за вином. Погуляв ещё два-три дня, они рассасывались по «чёрным» работам: кто сучкорубом, кто на сортировку леса, а наиболее крепкие телом шли на сплав, — а по осени, получив расчёт, исчезали из памяти вместе с последним журавлиным клином. Но Ромка Дыкин никуда не уезжал и несколько зим подряд обитал в Майском, кочегарил и, как положено в его бичёвском звании, беспробудно пил с аванса и полочки...

С кочегарской должности Ромку не гнали по уважительным причинам: после запоя он работал не щадя себя, ночевал и дневал в грязной котельной. Он и внешне превращался в кусок угля: брось случайно в топку, и высококалорийно сгорит Дыкин, за свой счёт добавит чуточку тепла в батареях. Когда работал Ромка, его сменщики откровенно и нагло «сачковали», занимались своими домашними делами и наведывались в кочегарку урывками, чтобы напилить дров да подсобить ему в подвозке угля поближе к топке...

И вот, ни с того ни с сего, взял да и помер Ромка Дыкин, никого не предупредив об этом своём интересном решении, взял и поставил точку на своей нескладной жизни.

Федька Юров постоял на покосившемся крыльце запылухи, чихнул от яркости солнца, почесал пятернёй затылок.

— Дрит те... Надо хоронить мужика, не оставишь же его тухнуть, как дохлую крысу, — справедливо решил он и, расхлябисто перебрасывая тощие ноги через весенние лужи, двинулся к трёхцветному российскому флагу, что лениво трепыхался над зданием местной администрации.

Коршун лениво кружился над лесопунктом Майским, всматривался в оттаявшие огороды, где в буртах почерневшей прошлогодней ботвы обитали мыши. Над посёлком размашисто зависло белое облако; оно закрыло солнце, и на его закрайках вспыхнул солнечный луч и беззвучно погас, как жизнь Ромки Дыкина.

Федька Юров, не вытаскивая рук из карманов штанов, носком кирзового сапога распахнул дверь бывшего сельсовета, а теперь, по-новому, администрации, и оказался в кабинете блондинистой и голубоглазой сельской «головы» Галины Ивановны.

Он с минуту молчком полюбовался её привлекательной внешностью и без приглашения сел на стул.

— Так сказать, Галина Ивановна, жизнь — копейка. Сегодня — на ногах, завтра — жмурки... Ромка Дыкин приказал долго жить...

— Какой Ромка Дыкин?.. Что-то не припомню такого...

— Ничего себе, — искренне удивился Федька. — Он что, не учтён нынешней властью? Ромка пять лет уже как живёт на краю села. В засыпухе, что сразу же за пекарней... Похоронить бы надо Ромку. Я слышал, что деньги на похороны положены... Указ, говорят, есть президента на гробовое пособие...

Галина Ивановна вежливо улыбнулась, её лицо стало ещё добрее и привлекательнее, на щеках заиграли молодые ямочки. Она достала из ящика стола какую-то папку, долго её перелистывала, потом резко захлопнула и твёрдо сказала:

— Нет у нас в лесопункте никаких Дыкиных...

— Что же это делается на свете, не понимаю. Букашек — и тех учитывают, а здесь человек, — поморщился Федька.

— Не могу быть полезной...

Федька побледнел, поднялся всей своей тощей костистой фигурой над Галиной Ивановной, протяжно и зло завыл:

— Мымра... Робеешь посядействовать покойному... А на вид как будто ничего. В темноте и пощупать не грех...

Галина Ивановна нервно ударила маленьким розовым кулачком по столу:

— Ты с кем разговариваешь? Я тебя сейчас сдам участковому.

Федька выскочил из кабинета, крепко и зло хлопнув дверью.

Туча проплыла над Майским, освободила солнце, и оно играло лучами в лужах, как будто пыталось в них раствориться. В мире всё просыпалось и оживало после долгой и холодной зимы. Федьке вдруг стало страшно за себя, за людей, за всех, кто ещё пытался жить на этой красивой и печальной земле.

«Опухли мы все от бездушия. Что коровий котях для нас, что человек — одна цена», — думал Федька, и на душе у него было муторно и кисло, как с тяжелейшего похмелья, и очень не хотелось жить...

Он зашёл в столярку, чтобы заказать гроб для покойного. Рыжебородый столяр Пётр Иванович Бузыкин сочувственно выслушал печальный рассказ Федьки.

— Оно, конечно, человека не бросишь, как собаку, на помойку. Сколотить бы надо «квартирку». Да вот незадача: мне на сторону запрет даден работать. Решение нужно. Гумажечку от начальника лесопункта. А сколотить можно... Я как понимаю, за работу мне платить никто не будет?

— Какая плата? Сам понимаешь: не оставил Ромка наследства.

Контора лесопункта стояла на песчаном берегу реки, которая несла неспешно свои коричневые воды до самого батюшки Енисея.

Начальник лесопункта Андрей Петрович Кузин, коренастый, крепкий мужик, стоял у окна и смотрел на реку. Он обернулся на скрип двери; увидев входящего в кабинет Фёдку Юрова, посерьёзней, насупился, строго спросил:

— Чего тебе?

— Помощи вашей надо, Андрей Петрович. Ромка Дыкин, который кочегар, окочурился. Похоронить бы надо. Деньжат бы как-то выделить...

— Одним бичом меньше, — пробурчал начальник лесопункта. — Не проиграл, а выиграл от кончины. Но денег на похороны я выделить не властен. Его в списках рабочих лесопункта нет. Без трудовой я его принимал, по одному заявлению. В жизни-то он существовал, а по документам — его как бы не было. Если прикажу выделить денег, то любой самый заваливающий ревизор обвинит в нарушении финансовой дисциплины. Пусть ему гроб Бузыкин бесплатно сделает, о могиле я побеспокоюсь: прикажу, чтобы выкопали. А так больше ничем помочь не могу...

Фёдке стало легче на душе. Он не ожидал такого сочувствия от прижимистого, считающего каждую копейку, каждый кубометр начальника лесопункта.

— И на этом спасибо. Все там будем...

— Это так... Заберёт, когда приспичит, земля и нас, — тяжело вздохнул начальник лесопункта. — Пусть памятник какой-нибудь сварганит Бузыкин. Пирамидку там со звёздочкой или крест... и передай ему, пусть не трогает фондовые доски. Найдёт что-нибудь из старья. Невелика цаца...

2.

На похороны Ромки Дыкина пришло семь свободных от работы мужиков лесопункта Майский — в основном его прижизненные собутыльники. Ромка уже сутки покоился в прежней позе на своём грязном лежбище, но только не смотрел, как раньше, отрешённым и тусклым взглядом в небо, а лежал с закрытыми глазами: кто-то догадался прикрыть ему веки.

Привезли некрашенный гроб, грубо сколоченный из старых неструганных досок. Мужики установили его на двух табуретках рядом с покойным, а когда стали «переселять» одеревеневшее тело кочегара на «новую квартиру», то гроб оказался мал для Ромки.

Столяр Бузыкин, который тоже пришёл на похороны, смущённо матюгнулся:

— Вытягивает смертушка человека... А ить небольшим был ростом, ниже меня. А я делал гроб по своему росту, и смотри-ка, что получилось...

— Засунем, — успокоил его Федька Юров.

Он взял с приступки печки старые, чёрные от угольной пыли валенки Ромки, с трудом согнул застывшие ноги Дыкина, положил валенки под колени...

— Додумался, — засмеялся столяр Бузыкин.

Ромка лежал в гробу как живой: лицо его стало ровным, расправились морщины. Казалось, что вот-вот он встанет и скажет осипшим от водки и курева голосом: «Ну, чего вы?»

На лбу покойного остался чёрный угольный след; наверное, ненароком, ещё при жизни, задел он грязную рукоятку лопаты да забыл умыться. Федька Юров нашёл зашорканное полотенце, смачно плюнул на него, стирая с лица Ромки угольный «шрам».

— Пусть чистым предстанет перед Богом!

— К Богу его не пустят. Грехов много, — справедливо засомневался Бузыкин...

— Как знать... На земле не в авторитете жил, так, может, там, на небе, авторитет ему будет...

По русскому обычаю нужно бы попрощаться с покойным, постоять у изголовья, поплакать да попрочитать, смахнуть настоящие или понарошечные слёзы. Но кто будет плакать о Дыкине? Кто? Вороны разве... Жил он на лесопункте Майский без ласки и любви и ушёл тихо, словно упало в мох старое, трухлявое дерево...

Перед тем как вынести гроб с телом на улицу и загрузить в кузов машины, которую выделил на часок начальник

лесопункта Андрей Петрович, мужики распили заранее подготовленную бутылку водки, заговорили, заколобродили.

Федька Юров, занюхивая водку сухой корочкой хлеба, поинтересовался:

— Интересно, хоть одна баба от Ромки родила? Может быть, у него где-то дети есть?

— Наверяд ли, — засомневался столяр Бузыкин. — Надо одно дело делать: или пить, или баб любить. А Дыкин ничем, кроме совковой лопаты да бормотухи, не интересовался...

Набросили на гроб крышку, сколоченную из подгнивших досок, вогнали обухом топора заранее наживлённые гвозди, навсегда «надели» на Ромку Дыкина деревянную одежду...

— Спи и не кашляй, Ромка, — сказал с грустью Федька Юров...

Хотели мужики уже нести гроб в машину, но спохватился Бузыкин, остановил:

— На памятнике нет никакой надписи или заметы — нужно оформить как положено, чтобы люди добрые знали, кто покоится в земле. Ты, Федька, давно с ним работаешь, должен знать, как его величать и с какого он года рождения...

Федька фыркнул:

— Я те что, паспортный стол? Надо поискать, может быть, где биографические документы лежат...

Но сколько ни рылись мужики по закуткам засыпухи, не нашли ни одной бумажки, только под мятой грязной подушкой в целлофановом кулёчке обнаружили они небольшую фотографию светлоглазой женщины. На обороте карандашом было написано одно слово: «Надюшка».

— Внушительная женщина, — внимательно рассматривая снимок, сказал Федька Юров. — Кем она, интересно, ему приходилась?

— Сестру под подушку не прячут. Эта женщина в цене была в душе Дыкина, — сказал авторитетно столяр Бузыкин и, вырвав фотографию из рук Федьки, засунул её

в щель крышки гроба. — Пусть лежат совместно. На двоих земля легче давит...

Мужики густо окружили гроб, вынесли его на улицу, как деревянный чурбак, задвинули в открытый кузов. В кабине прислонили памятник-пирамидку, на которой химическим карандашом криво было выведено: «Гражданин свободной России Роман Дыкин. Умер 24 марта 1994 года».

На песчаном бугре кладбища было тихо и сухо. Вся окрестность пропиталась жёлтым солнечным светом, а от предкладбищенских берёз исходил загадочный запах сырости и просыпающегося молодого листа...

Мужики на верёвках опустили торопливо гроб в могилу, забросали её тяжёлой песчаной землёй. А когда поставили в изголовье памятник-пирамидку, расселись рядом на чьей-то безымянной заросшей могилке, вытащили из сумки стаканы и водку: пили без закуски долго, охотно...

Ближе к закату солнца вороньё перепуганно поднялось с притаёжных оттаявших полей и закружилось над кладбищем. Резкий вороний грай заполнил окрестности, и неслышны были из-за него маты и крики мужиков. Перебрав за упокой души Ромки Дыкина, мужики непонятно зачем подрались, но быстро протрезвились в пустой драке, спустив, как говорится, клокочущий душевный «пар», утихомирились, обнялись, как братья, и шаткой неровной шеренгой двинулись к магазину, чтобы добавить внутреннего градуса, а там опять — на драку или на участкового...

На кладбище в сиротливости остался могильный холмик над Романом Дыкиным. Могилка была истоптана и растерзана мужицкими сапогами, а деревянный памятник с гордой надписью «Гражданин свободной России Роман Дыкин» покосился, словно Пизанская башня. Но не придут к этой «башне» люди, потому что жил человек, и никто не понял — зачем; прожил, грешный, как смог на этой грешной земле...